



Формирование и продвижение
идеологии евразийской интеграции
на основе традиционных ценностей,
эстафеты поколений
и сохранения памяти Победы



Доклад к обсуждению

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТРАН ЕАЭС

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА
по теме
«Значение Победы в Великой Отечественной войне
для национального самопознания
народов стран евразийской интеграции»**

*Проект реализуется Фондом содействия развитию духовно-нравственных ценностей «Память побед»
на средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением
Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 68-рп, и на основании конкурса,
проведенного Национальным благотворительным фондом.*

Апрель, 2017 г.

После распада СССР Россия, как его правопреемница, была поставлена перед необходимостью переосмысления своей роли в мире, определения новых приоритетов и ценностей своей внешней политики. При этом она отказалась принять предлагаемую США однополярную систему международных отношений, выдвинув свою концепцию многополярности. Считая себя одним из государств, имеющих основания претендовать на роль полюса в международных отношениях, Россия прилагает существенные усилия к тому, чтобы, с одной стороны, показать независимость осуществляемой ею политики, а с другой, - сделаться культурно и экономически привлекательным государством, и надёжным политическим партнёром. Так как, в основу концепции полицентричного мира заложен географический принцип (принцип регионального влияния), приоритетным вектором отечественной внешней политики стало именно постсоветское пространство - государства, исторически, экономически и культурно тесно, даже неразрывно, связанные с Россией. По мере возрастания остроты и напряжённости в международной обстановке, при сохранении угрозы изоляции, Российская Федерация, всё более заинтересована в том, чтобы найти, или изобрести, некие «скрепы» для интенсификации интеграционных процессов в регионе и сглаживания противоречий между входящими в него государствами. Основой этому может послужить Евразийский экономический союз.

Для исследования методологии и теоретических основ формирования национальной идентичности стран ЕАЭС, в первую очередь, рассмотрим хронологию развития отношений между союзными государствами, основанную на идее евразийства. В ходе первого официального визита в Россию, 29 марта 1994 года, в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова Президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев впервые выступил с идеей формирования Евразийского Союза Государств. В июне 1994 года детально разработанный интеграционный проект был направлен главам государств, а затем опубликован в прессе. Впервые в официальном документе новое интеграционное объединение было названо Евразийским Союзом. В 1995 году Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация подписали Соглашение о Таможенном союзе, нацеленное на устранение препятствий для свободного экономического взаимодействия между хозяйствующими субъектами сторон, обеспечение свободного товарообмена и добросовестной конкуренции и в конечном итоге гарантирование устойчивого развития экономик Сторон. Подписанное в 1995 году Соглашение «тройки» определило то интеграционное ядро, которое и в настоящее время является двигателем интеграционных процессов на пространстве Евразии. Евразийский экономический союз в данный момент является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей при этом международной правосубъектностью. В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. Государствами-членами Евразийского экономического союза к настоящему времени стали Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация.

Кажется понятным, что идея евразийства, которую вновь поднял на щит Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, призвана интегрировать нарушенное единство постсоветских государств, обнаружить, что их союз был не прихотью истории, но закономерным, обусловленным многовековым экономическим, культурным, социальным антропологическим взаимодействием. Идея евразийства содержит, безусловно, мощный интеграционный потенциал, призыв, доносящийся из глубины истории и отзывающийся эхом из грядущих времен. В то же время, например, в Казахстане живет множество этносов, не входящих исторически в

евразийскую зону — немцы, поляки, турки, армяне и другие. Поэтому общеказахстанская идентичность не совпадает в полной мере с евразийской идентичностью. Что вполне относится и к другим странам ЕАЭС, к каким-то в большей степени, к каким-то в меньшей. В этом пункте требуется серьезная аналитическая работа, чтобы рассмотреть соотношение русской, белорусской, казахстанской, кыргызской, армянской и евразийской идентичностей. Евразийская идентичность — не модус желаемого или должного, но обыденная реальность. В самом деле, если казах или белорус с раннего детства говорит на русском, так что русский язык, а значит и русская культура становятся для него родными, разве не представляет он евразийскую идентичность? Ведь именно язык — первый толкователь мира и среда герменевтического общения. Структура языка определяет тип ментальности, «лепит» архетипы коллективного бессознательного и даже определяет особенности социальных институтов.

При этом возникает объективная необходимость рассмотрения вопросов, связанных с формированием общих представлений и интересов, ценностных, культурных и цивилизационных основ евразийской идентичности. Ведь не секрет, что основой любого успешного интеграционного проекта прежде всего является общность интересов, ценностных ориентиров и представлений, которые в совокупности формируют общую идентичность данной социальной группы, нации, или более крупного цивилизационного объединения. В этом контексте, как с теоретической, так и практической точки зрения актуальными становятся следующие вопросы: о какой идентичности может идти речь в рамках Евразийского экономического союза, и насколько актуальна в современном общественно-политическом дискурсе проблема формирования общеевразийской идентичности?

В свое время основатели евразийской геополитической концепции выдвигали принцип идеократии, как важной предпосылки формирования евразийского типа государства. Так, П. Савицкий полагал, что евразийское государство должно строиться сверху вниз, отправляясь от изначального духовного импульса. По мнению русского ученого, для евразийского миропонимания важное место занимает форма государственного строя, в которой принадлежность к ведущему отбору связана с исповеданием и служением определенной идее, которая и называется идеократией. В этом смысле идеократия противопоставляется демократии. Если демократическая форма правления, особенно ее либеральная разновидность основывается на идеях индивидуализма, свободной торговли, прагматизма и утилитаризма, то идеократическую политическую идентичность составляют такие ценностные установки, как коллективные права и свободы, властная иерархия, консервативное мышление, нематериальность и антиутилитаризм.

Что касается современной интерпретации применения основных концептов идеократической формы правления в рамках Евразийского экономического союза, то можно обнаружить определенные сходства. На уровне политических элит у реальных и потенциальных членов ЕАЭС вырисовываются общие контуры государственного правления и предпочтения политического обустройства «евразийского общества», основными идентификационными кодами которого могут стать такие политические ценности, как консерватизм в разных его проявлениях: от социального (Россия), до государственного (Беларусь), межконфессионального (Казахстан), религиозного (Кыргызстан) и национального (Армения). В этом смысле в государственных традициях, политической и управленческой культуры стран евразийского интеграционного пространства можно найти много общего. Для формирования общеевразийской политической идентичности в среднесрочной перспективе необходимо во всех странах ЕАЭС активизировать именно общие политические ценности, постепенно сближая политические позиции и интересы интеграционных субъектов, уси-

ливая общевразийскую и региональную безопасность, чтобы в евразийском интеграционном пространстве доминировали идентификационные коды следующего назначения: “Вместе стабильнее”, “Вместе безопаснее”, “Вместе Мы Сильнее”. Вопрос “Кто мы есть” на цивилизационном уровне многие тысячелетия не только не теряет своей актуальности, но и становится самым важным (а для многих обществ единственным) фактором в поисках идентичности современного человека. Дилемма поиска цивилизационной идентичности долгое время и сегодня тоже стоит перед российским обществом. С аналогичными проблемами сталкиваются и другие национальные сообщества, ставшие частью евразийского интеграционного проекта.

Развитие понятия евразийства

Евразийство возникло в русском зарубежье как реакция на события начала XX века, выявившие состояние острого кризиса европейской цивилизации, обозначившееся, главным образом, в ужасах первой мировой войны. Датой возникновения евразийства как философского направления можно считать 1920 г., когда Николай Трубецкой выпустил в Софии книгу «Европа и человечество». В данной работе, прежде всего, подвергался критике европоцентризм.

Несколько позже, в 1921 г., в той же в Софии несколько российских эмигрантов выпустили своеобразный манифест евразийства – сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», в котором идея о необходимости отхода от европоцентризма была подкреплена мыслью о нелепости предположения о том, что какая-то отдельная культура может быть «избранной» и являться мерилем для любой другой культуры.

Являясь феноменом русской эмиграции, философское течение евразийства подчеркивало, что Россия самодостаточна, она не нуждается в помощи извне. Более того, она не «потеряна». Приход к власти большевиков воспринимался евразийцами как временное явление, которое нужно пережить или – переждать, с тем, чтобы впоследствии идейно помочь стране восстановиться.

Главное в экономике, с точки зрения евразийцев, – подчинение ее задач идее, основа которой – духовное развитие. Причем, согласно евразийцам, как материальное, так и духовное развитие того или иного народа происходит в уникальной географической среде, характеризующейся своеобразным геологическим устройством, определенной почвой, растительностью, фауной, специфическим климатом.

Россия – страна не европейская, она не должна стремиться во всем подражать Европе. Довольно долгое время Россия воспринималась многими в качестве «привеска» к западноевропейской истории. С этой позиции, «мировое значение России во времени представлялось лишь в том, что она оберегала западноевропейскую цивилизацию от азиатского “варварства”» [1]. С другой стороны, Россия, не являясь западной страной или «привеском» Западной Европы, в тоже время не является и восточной.

Вводя новый термин «евразийство», они подчеркивали богатство, разнообразие культуры, сложившейся в самом ядре материковой территории, простирающейся от Европы до Азии. Сравнивали ее с эллинистической и византийской культурами, отличавшимися такой же способностью к единению, казалось бы, разрозненных культурных традиций, приданию им цельности и величия.

В 1920-е гг. в среде русских эмигрантов евразийское учение получило широкую популярность, но в 1939 г. прекратило свое существование вследствие ввода в Чехословакию германских войск.

Во второй половине XX века идеи евразийцев продолжил развивать Л.Н. Гумилев (1912-1992) в своих работах по проблемам этногенеза, дополнив идеи евразийства собственным учением о пассионарности. Он довел до логического конца мысль евразийцев о том, что русский народ – не просто разновидность славян, но особый суперэтнос, сложившийся на основании слияния тюркских и восточнославянских племен, произошедшего в географическом пространстве Леса и Степи.

В конце XX века, после распада Советского Союза, русская интеллектуальная элита вновь обратилась к евразийскому учению, более того, евразийство начало вызывать интерес и за пределами России. Особое место среди заинтересованных лиц занимают геополитики США, которые довольно регулярно публикуют аналитические материалы по проблемам положения России, взаимодействия России с европейскими и азиатскими странами.

В самой России времени Перестройки, распада СССР, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. идеи евразийцев оказались очень актуальными, что повлекло за собой создание течения неоевразийства. Основная суть неоевразийства сводится к созданию новой идеологии восстановления целостности постсоветского пространства путем славяно-тюркской интеграции. При этом главными принципами, на которых строится новая теория, продолжают оставаться полицентризм (отказ от европоцентризма), принцип многомерной – климатической, этнической, географической – рубежности, принцип национальной и конфессиональной терпимости, идеи представительной демократии и равноправия в политической области, смешанной рыночной экономической системы.

Среди актуальных аспектов евразийской идеи сегодня можно выделить следующие:

1. Стремление к воссозданию единого культурно-экономического и политического пространства как важного средства поддержания межнационального мира и равноправного сотрудничества народов Евразии.

2. Самоидентификация стран СНГ, включая Россию, как цивилизационной группы, возникшей в итоге многовекового этнополитического объединения народов Запада и Востока, построенного на основе единства национальной самобытности с евразийской общностью и этно-конфессиональной терпимостью по отношению к каждому члену.

3. Противопоставление европоцентризму идеи цивилизационного полицентризма, способного поддержать как политическое, так и экологическое равновесие мира.

Проблемы изучения исторической памяти народов евразийского сообщества (историографический аспект)

Историографический подход к изучению исторической памяти предполагает анализ основных теоретических и эмпирических исследовательских проблем, выявление противоречий и различия идей. Сегодня это не только аспект истории исторической науки, но и предмет более разностороннего внимания со стороны культурологов, философов, социологов, специалистов по исторической психологии - при ведущей и объединяющей роли истории.

Выделение изучения исторической памяти в отдельное научное направление связано с развитием гуманитарных наук в XX в., с изменением предметного поля гуманитарных исследований. Среди основателей называют и М. Хальбвакса, последователя социологических идей Дюркгейма, написавшего в 1925 г. труд «Социальные рамки памяти», и А. Варбурга, пришедшего от иконологического метода исследования искусства к истории визуальных образов, воплощающих культурную память («Атлас Мнемозины»). Метод Варбурга был основан на том, что само произведение искусства не говорит само за себя, чтобы раскрыть его значение, необходимо изучить все взаимосвязи социального мира и художественной образности [2].

Следующим этапом являлось творчество историков школы Анналов и их последователей, отразившее изменение представлений об истории как науки в связи с рассмотрением проблем соотношения традиционно понимаемой истории как науки - с историческим сознанием, исторической культурой, исторической памятью. Настоящим «бумом» изучения исторической памяти называют конец XX столетия, начиная с 1980-х гг., обозначившееся, например, проектом П. Нора о «местах памяти» и трудами Я. Ассмана, предложившего в своем труде 1992 г. о культурной памяти изучать «историю памяти» как дисциплину, исследующую то прошлое, что остается в жизни человеческой общности, его моделирование и реконструкция в зависимости от актуальной ситуации [3]. Надо отметить, что к выделению проблем исторической памяти обратились и специалисты в области изучения культуры (в процессе становления культурологии и cultural studies), представители семиотического направления московско-тартусской школы, разрабатывавшие концепцию культуры как коллективного интеллекта и коллективной памяти.

В отечественной науке к проблемам социальной и культурной памяти обращались как культурологи, так и историки, в первую очередь, специалисты по всеобщей истории. В Институте Всеобщей истории РАН Л.П. Репина возглавила несколько коллективных проектов, которые задали направление изучения исторических образов, представлений и памяти. Подчеркивают исследователи и связь исторической памяти с культурой: «...способность индивида и социума помнить о своем прошлом определяется свойствами культуры как таковой, ее универсальным качеством, отличающим ее от других культур» [4].

В начале XXI века изучение исторической памяти представляет из себя научное направление в рамках гуманитарных дисциплин, результаты представлены в журналах, сборниках, монографиях и проектах; читаются специальные курсы по этой дисциплине.

Актуальность исследования исторической памяти в конце прошлого и начале нынешнего столетия связана с вызовами эпохи: неизбежность трансформации традиционных способов фиксации и поддержания образов памяти, с одной стороны, постоянная потребность в возвращении к этим образам в ходе национальной идентификации, с другой. Для нашей страны эти процессы связаны и с особенностями посткоммунистической историографии, когда на первый план выступает не сопоставление фактов, а их моральная оценка. Тем не менее, степень изученности проблем исторической памяти в России характеризуется как недостаточная, как в отношении общей монографической литературы, так и в области конкретных исследований [5]. Разработка данной темы практически значима для коммеморативной деятельности (праздники, памятники, чествования и др.).

Одной из центральных проблем современных исследований исторической памяти является политизация. «Борьба за политическое лидерство нередко проявляется как соперничество разных версий исторической памяти» [6, с. 6]. Весьма ярко это проявляется в отношении памяти о Великой Отечественной войне.

Воспоминания о войне подбираются и аранжируют-

ся в соответствии с определенными политическими установками. Инструментом межгосударственной политики становятся «войны памяти» и мемориальные конфликты (снос памятников, отмена праздничных торжеств). Очевидно также, что память о войне имеет официальный мифологизированный уровень (формирующийся на основе образов массового сознания) и другие уровни, вплоть до личностного.

Распространяется «альтернативная» память о войне, противостоящая официозу. Еще в 1980-е г. в нашей стране сбором и частичной публикацией частных материалов о войне (воспоминаний, писем, дневников, устных рассказов) начали заниматься литераторы (К. Симонов, Д. Гранин, А. Адамович, С. Алексиевич). Период конца 1980-х – середины 1990-х гг. характеризовался динамичным вводом новых источников, их публикации и популяризации, что способствовало разрушению устоявшихся образов и схем, сложившихся в советский период. В период перестройки произошел распад единой официальной памяти о войне, в результате чего сложились разные типы культуры памяти: полностью антисоветский и антирусский (в странах Прибалтики), основанный на мифе о советской оккупации; тип, характеризующийся бурными дискуссиями и «войнами памяти», часто сопровождающимися сносом памятников и возвеличиванием новых героев (Украина, Грузия, Молдова и др.).

Несмотря на различие политических условий, Вторая мировая война остается важнейшим элементом исторической памяти постсоветского пространства. Национализация памяти о войне начинается с более глубокого изучения роли своего народа, его вклада в победу и оценки этого вклада как преобладающего (так, в Беларуси преувеличивается роль партизанского движения), а также преувеличения потерь своего народа относительно общих потерь: «Национализация памяти связана с реинтерпретацией советского нарратива о войне, переоценкой ее основных событий и действующих лиц в процессе конструирования постсоветскими элитами новых национальных идентичностей на основе новых «культур памяти» [6, с. 103]. В ряде случаев можно употребляют также термин «приватизация» памяти о войне (и даже термин «конкуренция»), когда сам образ и его символические формы вместе с риторикой переходит с общегосударственного (советского) уровня на национальную почву.

Использование образов коллективной памяти в процессе отстаивания национальной идентичности привлекает сегодня внимание исследователей этнорелигиозных конфликтов.

Современный этап складывания образов исторической памяти отличается, во-первых, сокращающейся долей общения с участниками событий (наше поколение формирует образ войны из рассказов участников событий, наши дети – из наших рассказов), уменьшением роли устного рассказа, значительной ролью массовой культуры и медиатизацией исторической памяти (причем возрастает роль визуальных образов).

Специфика историографии памяти сегодня связана с вышеупомянутыми проблемами. Изучение исторической памяти стран Евразийского сообщества проводится в университетах и научных центрах. Большой долгосрочный проект «Великая Победа, добытая единством» проводится Институтом Евразийских исследований. Он, в частности, включает проведение серий конференций по истории Великой Отечественной войны, участия людей разных национальностей.

Национальное самосознание: механизмы формирования и поддержки

Национальное самосознание в общем случае можно определить как осознанное отношение нации к своим материальным и духовным ценностям, образ самое себя. Его содержание является основой для сплочения народа с целью реализации национальных интересов, а также для взаимодействия с другими нациями. Национальное самосознание отражает процесс исторического развития народа, фиксирует значимые ценности, достижения и цели общества. Оно является своего рода рациональной надстройкой над национальным характером, т.е. предполагает определенную рефлексию над национальными чертами людей. В то же время основные закономерности формирования и развития национального самосознания – процесс сложный и до конца не исследованный, требующий междисциплинарного подхода.

Национальное самосознание, будучи результатом длительного исторического пути народа, и имеет сложную структуру, включающую три основополагающих компонента: представление нации о себе, представление нации о других и способ установления межнациональных отношений как результат этих осознаний. При этом национальное самосознание неоднородно, имеет слои разной степени рефлексивности от непосредственного эмоционального переживания через поведенческие стереотипы и ценностные установки к их выражению в фольклорных образах и официальной символике народа.

Механизмы формирования национального сознания и самосознания выполняют две связанные и в то же время противоположные задачи: с одной стороны, объединение людей в целостность, а с другой – противопоставление этой целостности остальным социальным группам. Эти задачи глубоко архетипичны, собственно, их постановка указывает на формирование социальности. В любом случае постулируются исключительность собственной национальной группы («мы»), наделение ее положительными качествами, подтверждающимися историческим прошлым, и противопоставление ее другим группам («они»), обладающим противоположными, как правило, отрицательными или, во всяком случае, нерациональными качествами: экономическим укладом, политическим устройством, моральными нормами и пр.

Отличие «их»/плохих от «нас»/хороших требует сплочения, объединения группы с целью противостояния. Антитеза «мы – они» является естественным психологическим механизмом. На этом всегда держалось и держится национальное самосознание. Оно позволяет как отдельным людям, так и группам производить самоидентификацию через принятие или непринятие социокультурных и других норм совместной жизни.

Как показывают социологические исследования, формирование национального сознания и самосознания происходит у современного человека зачастую на основе неадекватных источников: сомнительных Интернет-ресурсов, СМИ, которые часто стремятся к порождению сенсации вместо компетентной интерпретации событий, вольных пересказов друзей и родственников. Происходит деструкция массового сознания: совмещение разных культурных традиций, неконфликтное отнесение одного и того же субъекта к разным нациям, как следствие, девальвация собственных национальных культурных ценностей.

Евразийская духовная культура прошла долгий и сложный путь развития, как в географическом пространстве, так и в историческом протяжении. Народы, проживающие на территории Евразии, сами по себе являются динамическими системами, с изменяющимися национальным самосознанием и национальной психологией.

Отдельная проблема – массовые миграции, перемещение лиц одной национальности в среду другой, которое получило широкое распространение.

Но даже не перемещаясь пространственно, современное человечество в силу развития многообразных средств коммуникации обладает множественной самоидентификацией, позволяющей относить себя к разным, в том числе и национальным, группам, благодаря знанию соответствующих языков, культурных традиций, религиозных верований, навыку помещения себя в разные контексты и масштабы рассмотрения. История показывает, что многие важные реформы, проводимые в России в разное время, потерпели неудачу именно в силу игнорирования национального самосознания отдельных народов, входящих в ее состав. Российская Федерация – государство, объединяющее около двухсот народов разной численности, имеющих свои языки, особенности ведения хозяйства, уникальную духовную культуру, особую ментальность, что обеспечивает достаточное количество противоречий между ними и возможность конфликтов. Однако национальное самосознание постоянно развивается, предотвращая потенциальные конфликты и выходя на уровень конструктивного сотрудничества людей.

Значимую роль в формировании национального самосознания играет национальная идея – набор ценностей в их духовном и символическом выражении. Россия как многонациональная страна изначально выстраивает свою национальную идею на ценностях коллективизма, сотрудничества, справедливости. В русской философии формируется такое представление о составляющих национальной идеи, как соборность, софийность, всеединство, общее дело. Большую роль в самоидентификации и формулировании национальной идеи сыграло православие, которое, однако, для многих русских является не столько религией, сколько символом русского своеобразия, его духовной ценности, типом культуры, образом нации.

Один из компонентов национальной идеи – патриотизм, воспитание которого является одним из важнейших механизмов осуществления преемственности между поколениями. Одно из пагубных явлений современности – забвение своей истории, в частности, подвига старшего поколения во время Великой Отечественной войны, утрата любви к Родине. Отсутствие исторической памяти ведет к размыванию национальной идеи.

Национальное самосознание – не плод биологического взаимодействия человека с окружающим миром, а сложная система духовного процесса, детерминированного постоянно изменяющейся, динамической реальностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Кн.5. Париж: Impr. De Navarre, 1927. С.154.
2. A.Confino. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // The American Historical Review. Vol.102, No5 (Dec.1997). pp.1386-1403.
3. Анализ трудов Я. Ассмана о культурной памяти см. Арнаутова Ю.А. Культура воспоминания и история памяти / История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. Под ред. Л.П.Репиной. М.: Круг, 2006. С.47-56.
4. Шестов Н.И. Память историческая и память политическая: структура политико-мифологической связи // История и историческая память: Межвуз.сб.науч. трудов /Под ред. А.В.Гладышева. Саратов, Изд-во Саратовского ун-та, 2010. Вып.1. С.20-31.
5. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.2. Вып.2. 2014. С.110.
6. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О.Ю.Малинова. – М.: Политическая энциклопедия, 2015.